

Ло Цюаньпэй поднял глаза и невольно вздрогнул. Люди в камере выглядели отъявленными головорезами. Он поспешно заискивающе улыбнулся:

— Нет-нет, ничего подобного. Меня замели за проституцию.

— Ты думаешь, я поверил? — усмехнулся верзила с татуированными руками. — Мужики, сегодня вечером у нас намечается развлечение.

— ...

В камере предварительного заключения драться запрещалось: если поднимется шум, сразу прибежит полиция. Но ведь приструнить человека можно далеко не только кулаками.

Сидевший в той же камере Генеральный директор Гао ума не мог приложить, как все докатилось до жизни такой. Шпана, которая еще пару минут назад вела себя вызывающе и скалила зубы, теперь уступила им лучшие места. Парни уселись прямо на пол и с упоением слушали байки Чжай Чэня.

— Когда я был в вашем возрасте, уже заправлял целым районом. Под моим началом ходили три улицы в Старом городе.

Всю эту чепуху Чжай Чэнь в детстве краем уха наслушался от местных авторитетов, пока делал уроки. Для трудных подростков подобные истории никогда не теряли притягательности — лапша на уши ложилась идеально.

— Ничего себе! И как же ты собирал дань за крышу? — недоверчиво спросил парень с ирокезом. В Старом городе крутиться было сложнее всего.

— Главное — запугать, а кулаки пускать в ход во вторую очередь. И действовать нужно прицельно. Вот взять, к примеру, торговца утиными шейками. Он встает в пять утра, чтобы приготовить продукты, рассол варит еще с вечера, и только к одиннадцати часам дня у него готова первая партия. Хочешь пригрозить ему — либо приходи утром и выливай рассол, либо заваливайся в полдень и выбрасывай шейки, либо прижимай вечером и разбивай кассу. Короче, бей по самому больному. Уверяю, в следующий раз сам принесет деньги на блюдечке.

Чжай Чэнь расписывал все так убедительно и складно, что шпана внимала ему как божьему откровению, боясь пропустить хоть слово.

У Гао Юйшэна мелко задергалось веко. Этот тип явно набрался опыта, когда бегал за утиными шейками для Фан Чуяна, раз в таких деталях знал, когда закипает бульон и когда выкатывают тележку с товаром.

Чжай Чэнь, который в детском саду обычно лишь таскал тяжести, охранял порядок да зазывал клиентов, наконец-то получил шанс прочитать детям «лекцию». Он просвещал их обо всем: от тактики победы в массовых драках до менеджмента в преступных группировках и важности освоения рабочих профессий.

— Отличная ведь была банда, но приехал один хлыщ с дипломом зарубежной магистратуры и развалил ее изнутри. Мне податься стало некуда, вот я и пошел учиться на экскаваторщика, — с глубоким вздохом произнес Чжай Чэнь. — Знание — сила, шпана. Надо обязательно освоить ремесло. А то не то что бандой управлять не сможете — любой мало-мальски образованный умник придет и развеет вас по ветру в два счета.

Полицейский, пришедший выпустить их на свободу, так и замер у дверей. Он долго не мог прийти в себя от услышанного и лишь спустя пару минут выдавил:

— Учитель Чжай, на выход.

— Вы двое свободны, — сухо бросил полицейский и вернул Гао Юйшэну пакет со ста тысячами юаней.

Во избежание мести со стороны секты полиция пока не спешила награждать бдительных граждан. Напротив, их хорошенько отчитали в воспитательных целях, словно они сами состояли в этой общине.

— Впредь мы от сект будем держаться за версту, — клятвенно пообещал Чжай Чэнь и придержал молодого полицейского, собиравшегося уходить. — Товарищ офицер, а как там та девочка?

— В больнице. Физически не пострадала, но психика пока нестабильна, — вздохнул тот.

— А навестить ее можно? — забеспокоился Чжай Чэнь.

— Исключено, — отрезал полицейский. Раскрывать местонахождение ребенка кому-либо, кто хоть краем коснулся дела секты, категорически запрещалось.

Чжай Чэню ничего не оставалось, кроме как выпросить все позже у Фан Чуяна. Закинув руку на плечо Генерального директора Гао, он неторопливо побрел к выходу из участка. При мысли о малышке, которая оказалась тезкой его племянника, на душе снова заскребли кошки.

— Вот скажи мне, как земля носит таких мамаш? Собственного ребенка в пекло толкнуть...

— Не все родители любят своих детей, — Гао Юйшэн поднял голову к небу. Сегодня луна напоминала огромное круглое блюдо; ее яркое сияние полностью затмевало свет звезд.

Чжай Чэнь окинул его взглядом в лунном свете, слегка нахмурившись:

— Ты...

— То-что ты сейчас рассказывал, — правда? — Гао Юйшэн отвел взгляд от неба и увлек его к обочине.

— Только что? Да брось, это же просто байки для шпаны, а ты и уши развесил, — Чжай Чэнь расхохотался. Он прибавил шагу, обнял Генерального директора Гао за плечи и повис на нем всем телом, словно лишился костей.

Спина Гао Юйшэна окаменела. Он несколько секунд молчал, словно решая, стоит ли сбросить эту ношу. Но в конце концов снова зашагал вперед, волоча на себе прилипшего мертвой хваткой Чжай Чэня.

— Значит, про экскаватор тоже выдумка?

— А вот это чистая правда, — тут Чжай Чэнь кривить душой перед Сяо Тяньцы не стал. — Все остальное — выдумки, но на экскаваторщика я действительно учился. И я не хвастаюсь: в свои лучшие годы твой брат Чэнь мог на экскаваторе хоть на стену заехать! Права в кармане, квалификация высший класс, все наниматели так и говорили: мастер от бога.

— ...

Фан Чуян вернулся домой только глубокой ночью. Обойдя всю квартиру, он обнаружил этого страдающего куриной слепотой «ценителя ночных пейзажей» в самом углу балкона.

— С чего это ты вдруг закурил?

Когда Чжай Чэнь в свое время вкалывал на стройке за рычагами экскаватора, он дымил как паровоз. Но позже, когда пришлось растить ребенка, он завязал с этой привычкой, и в их доме уже много лет не пахло табаком.

— Да вот, ночного пейзажа разглядеть не могу, тоска одолела, — Чжай Чэнь лениво полулежал в бамбуковом кресле, доставшемся от Чжай Цзяньго. Закинув ногу на перила балкона, он глубоко затянулся и медленно выпустил струйки дыма через нос.

— Ты будто только сегодня узнал, что слеп как крот, — Фан Чуян закатил глаза, выхватил у него пачку и тоже прикурил сигарету. — Ло, этот мерзавец, упрямо молчит о том, кто у них верховный наставник, да и списка Небесных карателей не знает. Твоему Тяньцы грозит нешуточная опасность. Передай ему, чтобы держался подальше от высотных мест.

— Нашему Тяньцы? С чего ты взял, что это он? — Чжай Чэнь докурил первую сигарету и тут же потянулся за следующей. Запрокинув голову, он выпустил аккуратное колечко дыма.

— Тоже мне, загадка, — хмыкнул Фан Чуян. — Я тебя как облупленного знаю. Не будь ты уверен, не торчал бы тут с кислым видом, корча из себя ночного стража.

— Слышь, полегче на поворотах, не смей недооценивать поэтическую душу экскаваторщика! — Чжай Чэнь легонько ткнул его ногой и тоскливо вздохнул. — Раньше я только и бредил тем, чтобы отыскать его. Переживал, как он там. А теперь вот нашел — и признаться духу не хватает.

— Ну ты и драму развел, как в сериалах, — Фан Чуян искренне не понимал его метаний. — Он тебе что, малолетняя суженая, чтобы твои признания могли испортить ему репутацию?

— Да нет, дело вообще в другом. Я-то всегда думал, что он из самой обычной семьи. Кто же знал, что у его родни денег куры не клюют, да и сам он теперь большой босс. Я ему больше не нужен. Да и детство наше вряд ли вызывает у него приятные воспоминания... К тому же его мать тогда выставила меня не просто так, на то явно была причина... — Чжай Чэнь путано бормотал, окончательно сбиваясь с мысли. Разозлившись на собственное бессилие, он снова пихнул Фан Чуяна ногой: — Ну скажи хоть что-нибудь! Сидишь молчишь, как воды в рот набрал. Какой от тебя толк вообще!

— Да пошел ты! — Фан Чуян, который поначалу действительно собирался его утешить, вмиг вспылал. — Вот и молчи в тряпочку дальше. Желаю не лопнуть от невысказанного!

Чжай Чэнь тоскливо затянулся в последний раз и потушил окурок.

— Черная ночь подарила мне не только черные очи, но и черного душой брата. Ох и горька моя доля...

— ... — заместитель капитана Фан был твердо убежден, что этот несносный тип рано или поздно сведет его в могилу.

Ночью его выводил из себя Чжай Чэнь, а днем в управлении кровь сворачивали эти фанатики из секты.

Ло Цюаньпэй, которого сокамерники всю ночь «тепло принимали» в камере, наконец присмирел. Понутив голову, он начал давать показания. По его словам, их притон служил в основном местом для покаяний и жертвоприношений. Если провинился сам или оступился кто-то из близких, следовало показать перед божеством. А если требовалось попросить о чем-то бога, нужно было принести жертву.

Покаяние и жертвоприношение внешне ничем друг от друга не отличались. В ход шли деньги, а за неимением средств — кое-что другое.

— Что именно за «другое»? — Фан Чуян постучал пальцами по столу, требуя говорить яснее.

— Те молеельщики, которых мы вчера повязали, и твой подельник уже во всем сознались. Так что советую выкладывать правду. Начнешь юлить — проторчишь здесь до седых волос, — пригрозил стоявший рядом Сяо Ма.

— Квартиры, машины... или женщины, — Ло Цюаньпэй вжал голову в плечи.

Фан Чуян глубоко вздохнул:

— Значит, Ван Цзинхан, Чжоу Юйфэнь и Юань Сяоай приносили вам жертвы и платили деньги?

— Чжоу Юйфэнь платила деньгами. Что там было с Ван Цзинханом и Юань Сяоай, я без понятия — они выходили напрямую на Цай Ваньдая, — пролепетал Ло Цюаньпэй и тут же испуганно затараторил: — Я к этим делам и близко не подходил! Так, слышал краем уха. Офицер, видит бог, я просто бабник, но душегубством никогда не промышлял! Те бабы ложились со мной по обоюдному согласию. А вчерашнюю девчонку мать сама привела, откуда мне было знать, что малая упирается!

— А те сто тысяч откуда взялись? Будешь утверждать, что не вымогал их? — Сяо Ма едва сдерживал кулаки.

— Да они сами принесли! Вон в храмах прихожане тоже постоянно деньги жертвуют, чем мы хуже? Он сам мне их пихал, я-то что мог сделать? — Ло снова нацепил маску невинного простака.

<http://bllate.org/book/18293/1757038>